

Тао Яо и Би Хуа вместе отправились на Главную кухню, чтобы передать волю наследника: Хан Сиэнь желал откусать рисовой каши. Однако их слова потонули в равнодушном молчании — никто из кухонных слуг даже не повернулся в их сторону.

В поместье челядь давно ни во что не ставила болезненного Хан Сиэня. Лишь к Тао Яо здесь относились с некоторой предупредительностью: её родители служили в доме на хороших должностях, да и сама она прежде прислуживала старой госпоже Хань. Приходи она одна по своим нуждам, ей бы непременно выделили лучшие лакомства.

Но сейчас вся кухня сбивалась с ног, готовясь к грядущему юбилею старой госпожи. Услышав о прихоти Хан Сиэня, стряпухи лишь недовольно заворчали, и даже Тао Яо удостоилась нескольких весьма неприязненных взглядов.

Тао Яо вспыхнула и уже открыла было рот, чтобы прикрикнуть на обнаглевшую челядь, но её опередила заведующая кухней, матушка Чжан. Окинув девушку насмешливым взглядом, она протянула с ехидной усмешкой:

— Ох, милая, ты только не гневайся. Праздник старой госпожи на носу, сама видишь, какая суматоха. Нынче пироги да закуски готовятся строго по часам, лишнего уголка на плите не сыскать. Все господа в доме об этом знают и никто не капризничает — всё ведь ради матушки делается, верно? Если тебе так приспичило накормить наследника кашей, ладно уж — велю разжечь отдельный очаг да дров наколоть. Только на это придётся отвлечь двоих-троих человек. Коли мы к сроку что-то не успеем и госпожа Лю станет спрашивать, ты уж сама перед ней отвечать будешь, ладно?

Была ли в её словах правда? Разумеется, нет. Но и откровенной ложью это не назовёшь. Много ли рук нужно, чтобы сварить простую кашу? Сколько времени это отнимет? Сущая чепуха. Кухаркам просто-напросто лень было возиться ради обделённого вниманием хозяина. Впрочем, матушка Чжан не побоялась высказать это в лицо личной служанке Хан Сиэня лишь потому, что в поместье привыкли обделять наследника во всём.

Тао Яо прекрасно знала здешние порядки. Наступив на горло собственной гордости, она уже собиралась сгладить углы ласковым словом, как вдруг на пороге кухни появилась Бай Чжи — старшая служанка барышни Хан Цинсюэ, дочери от второй ветви, которую в доме величали старшей молодой барышней.

Бай Чжи вошла, высоко подняв подбородок и никого вокруг не замечая:

— Матушка Чжан, готовы ли сладости с розой и кедровыми орешками и медовая ласточкина каша для нашей барышни?

При виде вошедшей лицо матушки Чжан мгновенно разгладилось в приторной,

подобострастной улыбке. Барышню Хан Цинсюэ в поместье ценили высоко: поговаривали, старая госпожа как-то обмолвилась, будто бы девица приглянулась самой добродетельной наложнице Хань, матери пятого принца Цзи Хуая. С таким покровительством девице сулили великое будущее. Стоит ли удивляться, что кухонная надзирательница из кожи вон лезла, дабы ей угодить?

— Ох, голубушка Бай Чжи, и зачем же самой-то приходить? — запричитала матушка Чжан, семена навстречу. — Прислала бы кого помладше, мы бы вмиг всё доставили! Всё готово, давно дожидается. Как раз в самый раз кушать, пока горячее!

С этими словами она лично приподняла крышку с огромного бамбукового пропаривателя, откуда повалил ароматный пар. Внутри на тарелочках красовались изящные пирожные, дымилась каша, а рядом стояла пиала со свежеприготовленным нежным яичным пудингом. Матушка Чжан заботливо упаковала яства, добавив от себя ещё несколько отборных лакомств, и почтительно протянула корзину госте.

Приняв подношение, Бай Чжи окинула стоявших в сторонке Тао Яо и Би Хуа холодным, пренебрежительным взглядом и, не проронив ни слова, удалилась. Лицо Тао Яо мгновенно вспыхнуло густой краской, словно ей отвесили хлёсткую пощёчину.

Пожилая женщина обернулась к ним со скучающим видом:

— Ну, сами видите. У каждого блюда свой хозяин. Вы опоздали, так что не обессудьте.

Тао Яо выдавила жалкое подобие улыбки и уже открыла рот, чтобы пробормотать что-то примирительное, как вдруг вперёд выступила Би Хуа. Опустив голову, она тихо, но отчётливо произнесла:

— Матушка Чжан, спорить с вами мы не смеем. Но изволили ли вы слышать, что сегодня Наследник внезапно лишился чувств? Чуть Богу душу не отдал. Очнувшись, он затребовал лишь простой каши. Каким бы слабым ни был наследник, он всё ещё хозяин в этом доме. А слуги обязаны выполнять волю господина. Даже если мы пойдём к старой госпоже, она подтвердит, что челядь должна подчиняться. Вы сами изволили заметить, что юбилей на носу. Не ровен час, из-за недоваренной каши с наследником случится беда — неужто вы хотите омрачить праздник старой госпожи такой неприятностью?

То, что старая госпожа Хань недолюбливает старшего внука, не было секретом ни для кого в герцогском поместье. Не будь этого, простая кухарка никогда бы не осмелилась столь открыто выказывать пренебрежение. Но в словах Би Хуа крылась неоспоримая истина: если наследник разболеется сильнее или поднимет шум, старая госпожа придёт в неистовство. Никто не любит неприятности в собственный день рождения. Конечно, по опыту прошлых лет, Хан Сиэнь обычно молча сносил любые обиды. Но рисковать накануне торжества матушке Чжан не хотелось.

Лицо стряпухи помрачнело, она недовольно буркнула:

— Ладно тебе соловьём разливаться. Сама видишь, плита занята. Из чего я тебе её варить буду?

Би Хуа, не поднимая глаз, покладисто ответила:

— Простая пустая каша вполне подойдёт, матушка. Наследник только пришёл в себя, тяжёлая пища ему сейчас лишь во вред.

Фыркнув, матушка Чжан всё же уступила.

Приготовление простой рисовой похлёбки заняло немало времени, но в конце концов чаша была готова. Би Хуа бережно несла поднос, шагая рядом с притихшей Тао Яо к дворику Душистых Орхидей, где обитал наследник. На полпути Тао Яо язвительно процедила:

— И надо же было так распинаться из-за какой-то плошки риса? Матушку Чжан обидела, а ведь она из приданных слуг старой госпожи, у неё в доме вес немалый! Раньше мы просто говорили Наследнику, что на кухне ничего нет, и дело с концом. На что ты только надеешься, выскочка? Думаешь, выслужишься перед ним — и в люди выбьешься?

Би Хуа промолчала. Прежде она тоже старалась лишний раз не перечить старшим слугам, но стоило ей вспомнить сегодняшний ледяной взгляд Хан Сиэня и его пугающий тон, как сердце сжималось от необъяснимого страха. Этот страх и придал ей смелости на кухне.

У самых ворот двора Душистых Орхидей Тао Яо бесцеремонно вырвала поднос из рук напарницы, злобно шикнув:

— Ладно, давай сюда. А с тобой мы ещё сочтёмся, погоди у меня.

Хан Сиэнь сидел в саду, неторопливо прихлебывая горячую рисовую кашу. Тао Яо крутилась рядом, без умолку треща о том, как несправедливо обходились с ними на кухне, как заносчива служанка Бай Чжи и каких трудов ей, верной Тао Яо, стоило отбить эту миску у поваров. Однако внутренний голос девицы, который Хан Сиэнь прекрасно слышал, пел совсем иное. Мысленно она проклинала капризного барина, не дающего ей покоя, и осыпала грязной бранью Би Хуа и Бай Чжи.

Допив кашу до конца, Хан Сиэнь отставил пиалу. Парень даже не взглянул на служанку и не снизошёл до привычных слов благодарности или утешения, отчего Тао Яо осеклась, почувствовав неловкость.

В этот момент в сад вошла Матушка Дун, неся в руках чашу со свежесваренным тёмным отваром. На её лице сияла ласковая, заботливая улыбка:

— Наследник-гэер, — ласково пропела старуха, — я лично следила, как Юнь Чжи варила

снадобье. Выпейте, пока горячее, это вернёт вам силы.

Статус наследника, пусть даже немощного, обязывал держать при нём приличный штат прислуги. Четыре старших служанки — Тао Яо, Би Хуа, Юнь Чжи и Ло Ся — отвечали за его гардероб, покой и трапезу. Помимо них, во дворе суетилось несколько чернорабочих девок и пара юных лакеев, которым из-за затворнического образа жизни господина приходилось заниматься лишь мелкой домашней работой вместо того, чтобы сопровождать его в выездах.

Хан Сиэнь посмотрел на Матушку Дун и едва заметно усмехнулся. В прошлой жизни он послушно принимал из её рук отвары под те же самые приторные речи. Старуха потчевала его ядом изо дня в день с неизменной кротостью на лице — вплоть до того самого дня, когда его выловили из пруда. Снадобье действовало медленно, подтачивая и без того хрупкое здоровье юноши, а падение в ледяную воду довершило начатое, оборвав его никчёмную жизнь.

Но теперь в этом теле обитал не тот безвольный дурак, готовый безропотно пить отраву. Больше всего на свете Хан Сиэнь презирал людскую алчность и предательство.

Он пристально посмотрел Матушке Дун прямо в глаза. Этот ледяной, пронизывающий насквозь взгляд заставил старуху вздрогнуть. Руки её невольно затряслись, и несколько капель тёмного зелья выплеснулись на землю.

Прежде чем старая карга успела вымолвить хоть слово, Хан Сиэнь протянул тонкую, костлявую руку и забрал чашу. Дно посуды обжигало пальцы, отвар исходил густым паром. Юноша повернул голову и посмотрел на стоявшую подле Тао Яо.

У девицы были на редкость изящные руки — белые, с аккуратно подстриженными, розоватыми ноготками. Настоящая гордость молодой служанки.

Именно эти нежные руки когда-то безжалостно толкнули слабого господина в глубокий холодный пруд.

В своей первой жизни Хан Сиэнь никак не наказал за это предательство. Во второй — приказал отрубить эти красивые кисти и бросить их в воду, окрасив кровью пруд, где лениво плавали золотые карпы.

А сейчас...

Хан Сиэнь лишь слегка приподнял веки и без малейших колебаний вылил кипящий отвар прямо на эти ухоженные, белые ладони.

Воздух прорезал истошный, визгливый крик.

Хан Сиэнь брезгливо приподнял пустую чашу за край двумя пальцами и разжал их. Глиняная

пиала с негромким звоном разлетелась на мелкие осколки у ног служанки.

Юноша неторопливо поднялся со стула, стряхнул с рукава невидимую пылинку и, скользнув взглядом по рыдающей навзрыд Тао Яо, прижимающей к груди обожжённые руки, мягко произнёс:

— В следующий раз варите кашу дольше. И следите, чтобы она не была слишком горячей. Я этого не люблю.

С этими словами он развернулся и ушёл в свои покои, оставив застывших от ужаса Би Хуа и Матушку Дун посреди двора.

Весть о случившемся во двореике Душистых Орхидей мгновенно облетела всё поместье герцога Хань — утаить что-либо в этом дырявом гнезде, где слуги всюду шпионили друг за другом, было невозможно. Вопли Тао Яо слышали многие. Вскоре её мать, рыдая и причитая, притащила обваренную дочь к покоям старой госпожи Хань, вымаливая справедливость. Обе они опустились на колени прямо перед входом, устроив настоящее представление на виду у всего дома.

Услышав об этом, кухонная надзирательница матушка Чжан лишь хмыкнула. Её немало удивило, что эта бесхребетная «глиняная кукла» вдруг оскалила зубы, но в её глазах грязь оставалась грязью — из неё никогда не вылепить благородный нефрит.

Тао Яо во дворик Душистых Орхидей больше не вернулась. Рассказывали, что при виде изуродованных ожогами рук любимой прислуги у старой госпожи приключился сильнейший приступ сердечной немоги. Лекари спешно отпаивали её снадобьями. Оправившись, старуха не проронила о старшем внуке ни слова, но оставила покалеченную Тао Яо при своей обители.

Вскоре после происшествия в усадьбу прибыл придворный лекарь Ван, дабы осмотреть и прощупать пульс захворавшего наследника. Однако Хан Сизнь к нему даже не вышел. Вместо этого Би Хуа по приказу господина прямо с порога указала лекарю на дверь. Разгневанный столь неслыханным неуважением, придворный медик покинул поместье, затаив глубокую обиду.

Слуги за спиной господ вовсю чесали языками, судача о чудовищной непочтительности Наследника, который мало того что разгневал родную бабушку до болезни, так ещё и обнаглел до крайности.

Поздним вечером госпожа Лю помогала уставшему после службы супругу снять парадное одеяние. Ничего не знающий о дневных бурях Хань Чжо молча стоял, пока жена ласково и вкрадчиво журчала ему на ухо:

— Господин мой, сегодня нашему наследнику снова нездоровилось. Я со всем почтением воспользовалась вашим визитным свитком и пригласила из дворца лекаря Вана, надеясь

облегчить страдания мальчика. Но Хан Сиэнь наотрез отказался от осмотра. Мало того, он почему-то разгневался на девицу, которую матушка усердно приставила к нему в услужение, и так жестоко её наказал... Бедняжка обварила руки кипятком, боюсь, останутся уродливые шрамы, а то и вовсе пальцы перестанут гнуться. Я уже велела отослать ей лучшую мазь, ведь для девицы шрамы — страшное горе. Матушка от таких новостей так разволновалась, что у неё вновь прихватило сердце. Едва уложили почивать...

В её речах крылся тонкий яд. Госпожа Лю искусно выстроила обвинение: мачеха заботится о пасынке, приглашает лучших врачей, а тот капризничает, калечит служанок из личной неприязни и доводит родную бабушку до сердечного приступа. Истинное сыновнее непочтение!

Однако Хань Чжо выслушал её со спокойным, почти равнодушным лицом:

— Если служанка глупа и совершила проступок, хозяин вправе её наказать, — холодно отозвался он. — Что же до лекаря Вана... Раз сыну не нравится его манера лечения, в следующий раз позовём другого. Неужто в столице мало умелых докторов, способных явиться в дом герцога? Не забивай мне голову подобными пустяками.

Поняв отношение мужа к сыну, госпожа Лю покладисто кивнула. Немного помедлив, она завела разговор о другом:

— Сегодня моя золовка обмолвилась перед матушкой о нашей старшей барышне, Хан Минчжу. Сказала, девочке давно пора воротиться в родное гнездо. Как ни крути, а поместье герцога Хань — её дом. К тому же ей скоро минет пятнадцать, пора готовиться к обряду совершеннолетия. Праздник приличествует справить в семье, да и жениха подыскать самое время.

Речь шла о единоутробной сестре наследника, Хань Минчжу.

Много лет назад старая госпожа Хань, затаив обиду, позволила родственникам покойной невестки из дома маркиза Цзинго забрать девочку с собой на заставу Небесных Врат. Всё это время в семье Хань о ней даже не вспоминали, словно её никогда не существовало. Теперь же предложение вернуть беглянку исходило от второй тётушки, выданной замуж в Цинчжоу. Всем было ясно: девицу хотят забрать лишь для того, чтобы прибрать к рукам её замужество и выдать за неугодного человека ради утешения уязвлённой гордости старой госпожи.

Хань Чжо на миг нахмурился, словно силясь вспомнить, что у него вообще есть дочь.

— Раз так, — равнодушно бросил он, — отправь людей на заставу Небесных Врат в Западные земли. Пусть привезут девчонку. Займись этим сама.

Госпожа Лю с облегчением улыбнулась и принялась укладывать супруга ко сну.

Старая госпожа Хань носила почётный титул знатной дамы первого ранга, а род герцогов Хань принадлежал к числу высшей знати империи. В день её юбилея в поместье съехалась вся столичная знать, спеша засвидетельствовать почтение и вручить богатые дары.

Особую гордость хозяйка дома испытала, когда посреди торжества, когда она представляла гостям младшее поколение семьи, прибыл сам пятый принц Цзи Хуай.

Празднество было в самом разгаре: мужчины пировали на переднем дворе, женщины чинно беседовали в глубине усадьбы. Появление столь высокого гостя заставило всех умолкнуть. Преподнеся роскошный подарок, Цзи Хуай во всеуслышание передал тёплые поздравления от своей матери, добродетельной наложницы Хань, тоскующей по родительскому дому.

И именно в этот торжественный миг тишину разорвал истошный, леденящий душу крик. За ним последовал другой, третий... Вопли, полные неистового ужаса, доносились со стороны жилых покоев. Гости замерли в замешательстве, испуганно переглядываясь.

В тот же миг на мужскую половину двора, спотыкаясь и задыхаясь от страха, выбежал кухонный слуга. Лицо его было бледнее полотна, зубы выстукивали безумную дробь. Дрожащим пальцем он указывал в сторону внутренних покоев, но от ужаса не мог вымолвить ни единого слова.

<http://bllate.org/book/20088/2001965>